
Н. М. КИШЛАКОВА, Т. М. МАХАМАТОВ

**ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ
В РОССИИ: СПЕЦИФИКА
И ПРОТИВОРЕЧИЯ**

Идея демократии разделяет судьбу общих, абстрактных идей, которые пережили несколько эпох, всякий раз наполняясь новым конкретно-историческим содержанием и противоречиями. Соответственно характер философского понятия демократии и задачи, решение которых оно имеет в виду, могут быть осознаны лишь в результате анализа специфических и сложных условий, придавших идее демократии новую значимость и смысл.

Демократия, которую мы хотим построить в России сегодня, – это демократия с иными, чем на Западе, проблемами, порожденными историей страны и стремлением обновить общественный и политический строй в условиях, резко отличающихся от тех, в которых проходило становление современной демократии в европейских государствах. Дело здесь не в «евразийности» России, а в 1) необходимости переоткрывать заново принципы демократии и либерализма, сообразуясь с историческими традициями, культурой и факторами современного существования России, и в 2) актуальности соединения опыта политической демократии «верхов» с элементами демократизма в опыте «низов».

Современная демократия для современной России – это в перспективе демократия как образ жизни народа, которая должна синтезировать в себе и политическую демократию, и демократизм в традициях, обычаях, в менталитете полиэтничного, поликонфессионального народа России. Демократизация политическая должна соединяться с демократизацией социальной, демократией повседневности, в образе жизни каждого гражданина, социальных групп. А это предполагает ряд условий, и прежде всего моральный

и материальный подъем масс, экономическую, социальную и правовую защищенность каждого гражданина от произвола чиновников, от насилия и несчастных случаев и внутри страны, и во внешнем мире.

Формирование демократии как образа жизни народа опирается и на социально-политическую активность каждого гражданина, на его высокую духовность и культурное богатство. В этом вопросе особенность нашей страны такова, что вследствие исторической включенности России со времен Петра I в европейскую общественно-политическую и культурную систему духовная жизнь в нашей стране на протяжении столетий осовременивалась быстрее, чем экономические и социальные условия жизни ее населения. Отсюда своего рода инверсия взаимодействия социально-экономических и духовных факторов модернизации по сравнению со странами Западной Европы: духовная зрелость «культурного общества» России в определенном смысле *опережает* материальную. Вопрос о зрелости российского общества для новоевропейских преобразований утрачивает прежнюю однозначность и становится вопросом обнаружения и установления новой связи между «бытием» и «сознанием», нового их единства.

Исследования истории духовной и политической культуры и проблем демократизации России показывают, что демократизация российской интеллигенции, определенных социальных слоев крупных индустриальных городов нашего общества *стихийно опережает* экономическую модернизацию страны. Такой процесс является своего рода подсказкой политическим верхам, что политика формирования демократического образа жизни должна проводиться синхронно с повышением материального благосостояния народа, с экономической модернизацией, формированием рыночного хозяйства. Демократизация как формирование демократического образа жизни народа – это развитие активности всех слоев общества, это общественно-политический процесс, захватывающий все уровни, «этажи» общественной жизни, массовое «низовое» творчество, изобретение новых общественно-политических институтов, но одновременно каким-то образом связанных с традициями, нравами российского населения.

Понятие демократии как образа жизни означает, что задача демократизации нашего общества является объективно-исторической задачей не столько политической верхушки страны, сколько всего общества и каждого гражданина.

Россия обречена на долгий процесс демократизации. Ю. А. Красин видит причину долговременности и трудности процесса перехода к целостной демократии в России в системе взаимосвязанных антиномий, требующих своего адекватного разрешения. Это такие антиномии, как «*демократия versus авторитаризм*», «*гражданское общество versus система корпоративных отношений*», «*унитарное государство versus федерация*»¹. Философское значение вышеуказанных антиномий заключается в том, что они определяют необходимость и объективность демократизации нашего общества. Демократия здесь формируется как способ движения и разрешения этих антиномий, как переход к новому этапу развития социума.

Главными в осмыслении проблем демократизации современного российского общества являются, во-первых, четкое определение самого понятия демократии, во-вторых, *понятие ее необходимости и объективности*, в-третьих, выявление основных реальных предпосылок становления и развития демократического образа жизни в нашем обществе.

В большинстве случаев, в том числе и в ситуации с Россией, при оценке конкретной политической системы важно ответить на вопрос не столько о том, есть ли в данной стране демократия или нет, а о том, о какой именно демократии идет речь и какие национально-специфические предпосылки существуют.

Между тем в нашей философской и социально-политической литературе понятие «демократия» сплошь и рядом используется без каких-либо уточнений, для обозначения только лишь политического режима. Наиболее укорененным является понятие демократии как формы причастности людей в качестве граждан к осуществлению политической власти. Однако данная демократия есть лишь одна сторона демократии, то есть она не целостна. Целостная демократия в России будет лишь тогда, когда демократия выйдет за рамки «социума власти», перестанет быть только политической

---

¹ Красин, Ю. А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полис. – 2003. – № 3. – С. 125, 129.

процедурой голосования на выборах, когда охватит государство в его целостности и гражданское общество, включающее в себя социальные, этнокультурные, экологические и т. п. организации, органически вырастет из исторических традиций народа, из его культуры, политического опыта.

Демократия понимается нами как такой образ жизни народов России, в котором социальная жизнь общества реализуется в ее *личностном измерении*, политика превращается в неотъемлемый момент жизнедеятельности личности, в каждом индивиде *гражданственность* будет высшей нравственной ценностью и каждый гражданин будет высшей ценностью в государственной политике. Демократия как образ жизни понимается в первую очередь как качественное состояние, способ жизнедеятельности демократических граждан, различных общественных, коммерческих организаций, социальных групп, классов нашего общества и, кроме того, как способ осуществления политики государства.

Формирование институтов демократии и демократических граждан взаимосвязано и взаимообусловлено. Эффективность демократических институтов проявляется в их деятельности, *которая делает возможным формирование демократических граждан, преданных демократическим ценностям*.

Демократичность индивида проявляется не только в его согласии с действиями демократических институтов, в его рациональных действиях. Важнейшим условием формирования «демократических субъектов», как справедливо считает Ш. Муфф, является включенность граждан в социальные и властные отношения, их единство с языком, культурой и «целым рядом практик, которые делают возможным их деятельность». Таким образом, формирование индивида демократического образа жизни «становится возможным только благодаря увеличению числа институтов, дискурсов и форм жизни, способствующих идентификации с демократическими ценностями»².

Для формирования демократического образа жизни в его комплексности, для существования демократических личностей в России имеются реальные предпосылки. Первым объективно-истори-

---

² Муфф, Ш. К агонистической модели демократии // Логос. – 2004. – № 2. – С. 190.

ческим основанием демократии является наличие *элементов демократического образа жизни русского народа*. Так, например, современный отечественный исследователь проблем формирования основных черт национального характера и склада мышления русского народа Ю. А. Вьюнов пишет о «глубоко укоренившейся в общественном сознании демократической традиции». Однако он отмечает наличие негативных, антидемократических элементов в русском характере, о которых пишет и Т. И. Заславская³.

Коллективизм как «характерная черта русского народа был многократно усилен в советское время, подавив или даже полностью поглотив индивидуальное, личное начало, – отмечает Вьюнов. – Поэтому сегодня перед российским обществом во весь рост встала сложнейшая проблема, как синтезировать русский исконный коллективизм с его высокими нравственными нормами и современные либеральные ценности, которые предполагают развитие свободной и ответственной личности»⁴.

В решении данной проблемы важно избежать опасности как коллективистского деспотизма, так и анархистского индивидуализма. Здесь главной задачей является достижение диалектического единства коллективистских начал с индивидуалистическими началами общества. Не случайно сегодня заметным явлением западных политологических и юридических теорий является коммунистический таризм, возрождение идей непосредственной демократии⁵.

Началом теоретического решения вышеуказанной задачи выступает формулировка теоретической *проблемы соединения многовекового опыта демократизма образа жизни народа с политическими институтами государственной власти*.

Как дорастить элементы демократизма образа жизни нашего народа до системности, до уровня государственно-политической системы, то есть демократизировать ее и достичь демократизации общества в его целостности? Какую стратегию выбрать? «Либе-

---

³ Вьюнов, Ю. А. Русский культурный архетип. Страноведение России. – М., 2005. – С. 93; см. также: Заславская, Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. – М., 2004. – С. 56–61.

⁴ Вьюнов, Ю. А. Указ. соч. – С. 94.

⁵ См.: Нейсбит, Дж. Мегатренды. – М., 2003; Тоффлер, Э. Третья волна. – М., 2004; Он же. Метаморфозы власти. – М., 2009.

рально-вестернизаторский»⁶ принцип демократизации не учитывает, что демократия *не возникает* путем простого *переноса* передовых образцов политического устройства на национальную почву иного государства.

Как пишет И. К. Пантин, «демократизацию (что предельно важно) нельзя свести к механическому переносу на русскую почву западных демократических учреждений. Она должна охватить все “этажи” общественной жизни страны, обернуться массовым “низовым” творчеством, формированием политических институтов, которые были бы одновременно современными и новыми для России и связанными с традициями, нравами российского населения»⁷.

Демократизм в образе жизни россиян объективно-исторически определяется еще одним немаловажным фактором: многонациональностью и многоконфессиональностью населения России. Многовековое совместное проживание, переплетение судеб разных наций, народностей, этнических групп, исповедующих разные религии, сформировали и воспроизводят толерантность, взаимоуважение, понятие равенства народов при их качественном разнообразии. То есть существуют в своей исторической динамике основные принципы демократического образа жизни нашего полиэтнического народа. Однако в наше время активная миграция людей разных национальностей требует четкой государственной социально-экономической и миграционной политики, построенной «на принципах взаимной ответственности государства и граждан»⁸.

Благодаря демократическому образу жизни, который формировался еще и не без влияния политической культуры интеллектуальной и политической элиты самодержавной России, вопрос о том, как совместить политическую демократию с национально-этническими и религиозными различиями, не стоит так остро, как в других многосоставных сообществах. Все межнациональные и межконфессиональные конфликты, коллизии являются результатом нарушения *властными структурами* разного уровня принципов демократического образа жизни.

---

⁶ Пантин, И. К. Россия: окончание исторического цикла? // Pro et Contra. – 1999. – Т. 4. – № 3. – С. 132.

⁷ Там же. – С. 131.

⁸ Мозговая, А. В. Этносциальная толерантность: взгляд с позиции социологии риска // Россия реформирующаяся: ежегодник 2003. – М., 2003. – С. 408.

Известный современный американский исследователь философии политики А. Лейпхарт считает, что в многосоставных обществах наиболее перспективной и единственно возможной формой демократии является общественная демократия, при которой «центробежные тенденции, присущие многосоставному обществу, уравновешиваются установками на взаимодействие и соответствующим поведением лидеров различных сегментов общества»⁹.

В концепции общественной демократии А. Лейпхарт выделяет два основных момента, а именно: ««сегментарные различия», то есть различия между группами населения многосоставного общества, и политическое сотрудничество элит, представляющих его основные группы (сегменты)»¹⁰. Лейпхарт общественную демократию, как и демократию вообще, сводит только к форме организации власти. В российской же действительности общественная демократия осуществляется не только как модель политической демократии, но и (пусть в неразвитой, противоречивой форме) как образ жизни полиэтничного народа России.

Сообщественная демократия в российском обществе проявляется в решении проблемы «признания» культурных различий и различий в укладе жизни в первую очередь в связи (как уже было указано выше) с полиэтничностью и поликонфессиональностью населения нашей страны. В период демократического транзита вектор развития современной России связан, по мнению О. Ю. Малиновой, «с консолидацией скорее мягкого авторитарного, нежели демократического режима», что, на ее взгляд, «делает более вероятным курс на демонстрацию (на уровне официальной риторики) «нейтральности» к этнокультурным и конфессиональным различиям при явных и неявных отступлениях от этого принципа на практике»¹¹.

«Мягкий авторитаризм» необходим в какой-то мере для преодоления анархизма, порожденного либеральной политикой 1990-х гг., и для формирования демократического образа жизни в условиях

---

⁹ Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М., 1997. – С. 36.

¹⁰ Там же. – С. 39.

¹¹ Малинова, О. Ю. Гражданство и политизация культурных различий // Полис. – 2004. – № 5. – С. 17.

становления *социально-демократического либерализма, заключающего в себе определенные принципы социализма*. Потому и такой авторитаризм не только не исключает локальное развитие демократических практик, но и всемерно способствует их развитию и опирается на них в решении проблем «признания» культурных различий. В свою очередь, благодаря «мягкому авторитаризму», проблемы, сопряженные с «признанием» культурных различий, способны стать одним из стимулов к такому развитию, поскольку их решение может оказаться невозможным без вовлечения в переговоры представителей широкого круга заинтересованных групп.

Практика и теория демократии в современной России сталкиваются с проблемой, связанной с отождествлением понятий демократии и либерализма. Анализируя трудности реформирования нашего общества, Е. Шестопап пишет: «Направление реформ задается стратегией, которую разрабатывает власть. Что касается России, то наша власть сделала ставку на **либеральный транзит**, который совершенно не отвечает российским традициям и политической культуре. Неудача этого транзита, как мне кажется, напрямую связана с тем, что его цель и средства неадекватны той почве, на которой он происходит. Но это не означает, что переход к демократии в России невозможен, просто у нас возможна иная – нелиберальная – форма демократии»¹².

Потребность в демократизации общественно-политической жизни в России вызревала совершенно иначе, чем в большинстве стран Запада. Там борьбе за демократические институты, за всеобщее избирательное право предшествовало развитие либерального общества и капиталистических отношений. Поэтому и лозунг демократии был там не чем иным, как *логическим развитием* принципа свободы, родившегося до идеи демократии и независимо от нее. *Демократия, обновляя и обогащая либеральную традицию, преодолевала раскол общества на бедных и очень богатых, утверждала политическую свободу для всех его членов, а не только для привилегированного меньшинства собственников.*

В России же современный демократический импульс возник *до формирования частной собственности*. В такой социально-эконо-

---

¹² Шестопап, Е. Б. Авторитарный запрос на демократию, или почему в России не растут апельсины // Полис. – 2004. – № 1. – С. 28.

мической обстановке, то есть в отсутствие достаточного слоя ответственных собственников-предпринимателей, демократическую идеологию и движение нельзя было втискивать в узкие рамки *экономического либерализма*.

Либерализм как исторически и логически первый этап становления демократии имеет объективные границы своих возможностей, определяемые его принципами и социально-экономическими и политическими целями, в то время когда: 1) для всего мира классический либерализм является пройденным этапом и происходит его интенсивное соединение с социальной демократией, формируется социальный либерализм; 2) в российской экономической и политической действительности нет предпосылок либерализма, проведение реформ на основе принципов классического либерализма было ошибкой.

Отождествление либерализма с демократией в теории и на практике вызвало у населения отрицательное отношение к идее, практике и лидерам демократии. Здесь дело не в том, что русский народ равнодушен к демократическим ценностям, но в том, что декларированная демократия, за ширмой которой скрывался либерализм, не принесла ему свободы, благосостояния, не решила стоящих перед страной проблем, а, скорее, обострила и донельзя запутала их. Приоритет (незащищенной и социально не обеспеченной) свободы над любыми попытками уменьшения неравенства в сфере потребления оказался чужд отечественной традиции, нашему недавнему прошлому.

Либерализм, как отмечают его современные классики Л. Мозес, Ф. Хайек и др., прежде всего является *доктриной отторжения государства от экономической сферы общества*, политикой в защиту *свободы капитала*; либерализм есть политико-экономический принцип индивидуализма, принцип приоритета личностного, индивидуалистического начала над коллективистским (коммунитаристским).

Демократия же как образ жизни охватывает все общество в его целостности, то есть и экономическую, и социальную, и политическую, и культурную сферы общества. Она является политикой *свободы общественного индивида, осуществлением гражданственности, единением гражданского общества с его политической сис-*

темой. Здесь гражданское общество играет незаменимую роль, так как оно «немыслимо без развитого самосознания личности, класса и народа»¹³, без чего невозможна и демократия как образ жизни. Именно в гражданском обществе народ сможет и должен «показать себя, проявить характер, свою политическую культуру, готовность бороться за свои права, за улучшение своих жизненных условий»¹⁴.

На заре становления Новой России не без усилий наших либералов в массовом сознании произошло смешение понятий *демократизации социально-политической сферы* общества и *экономического либерализма*, что, по словам А. Г. Володина, «искусно камуфлировало желание части “старых” и, разумеется, “новых” элит приватизировать экономику и конвертировать власть в собственность»¹⁵. Для адекватного понимания объективной логики векторов изменения современного российского общества необходимо четкое разграничение понятий и принципов либерализма и демократии как политики и как образа жизни, а также раскрытие в понятиях границ их возможностей.

Либерализм играет позитивную роль лишь тогда, когда в обществе существует социальный слой частных активных средних предпринимателей, не сращенный с государством. Либерализм как социально-экономическая политика создает действенные стимулы к труду и успешному предпринимательству. Но он также объективно ставит людей в положение борьбы за существование, выживания в сложных условиях, способствует усилению эгоистического индивидуализма. Ведь классическому либерализму, принципы которого наши либералы внедряли насильственно, все равно, какая власть, лишь бы она не вмешивалась в рыночную экономику и оставляла индивиду его «естественные права», прежде всего – право частной собственности. Границы позитивных возможностей либерализма заканчиваются за рамками экономики.

---

¹³ Гобозов, И. А. Кому нужна такая философия?! От поиска истины к постмодернистскому трепу. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 43.

¹⁴ Там же. – С. 44.

¹⁵ Володин, А. Г. Россия: трудности межстадиального перехода или кризис цивилизации? // Полис. – 2003. – № 5. – С. 137.

В России, где до недавнего времени не было частных предпринимателей-собственников, где население не приучено к конкурентной борьбе во всех сферах общественной деятельности, либерализм как политика не может быть тождественным демократии. Весь позитивный и негативный опыт российских реформ свидетельствует, что демократическое развитие нашего общества невозможно без социалистических начал, без рационального консерватизма.

Исторический опыт России и современное состояние демократизации стран в постсоветском пространстве показывает, что деятельность социальных институтов, экономическая жизнь и публичная политика в российских условиях должны строиться на сочетании либерального принципа свободы личности и социально-демократического принципа равенства в социуме. Либеральный принцип, делая акцент на свободе индивида, противостоит тенденциям к иждивенчеству, патернализму, но уязвим перед натиском негативного эгоизма. Социально-демократический принцип, концентрируясь на устройстве социума, выдвигает на передний план социальную справедливость, солидарность, равенство. Однако он заключает в себе возможность авторитаризма, может превратиться, как говорит американский политолог Ф. Закария, в «нелиберальную демократию»¹⁶.

Современной формой единства принципа коммунитаризма и «негативной свободы» личности является либеральная демократия как *компромисс* между либерализмом и демократией. Западные общества давно уже перешли на этап либеральной демократии, где либерализм и демократия идут на сбалансированные (правда, временами нарушаемые обеими сторонами) уступки. Либерализм соглашается на то, чтобы ограничить независимость индивида, признать необходимость ее социального обеспечения государством, а также необходимость активного участия индивида в политической жизни общества. Демократия же принимает правила игры репрезентативного парламентаризма и признает *права меньшинства и личности*.

Для современной России тоже «существует большой спектр возможностей» для перехода к демократическому либерализму.

---

¹⁶ См.: Новые демократии и/или новые автократии? Материалы круглого стола // Полис. – 2004. – № 1. – С. 169–177.

Одной из основ такой возможности являются позитивные стороны нашей советской истории, опыт социальной политики советской власти. Другой основой выступает формирование нового поколения, для которого демократия и требование демократических методов должны стать нормой повседневной жизни и критерием оценки политической практики, для которого позитивные и негативные стороны одностороннего (классического) либерализма понятны не из теории, но из их реального предпринимательского опыта и социального бытия. Социальный либерализм в сегодняшней России, с одной стороны, означает свободу предпринимательской деятельности от государственного вмешательства, как в классическом либерализме, с другой – формирует *социальное партнерство взамен государственного патернализма*¹⁷.

Социальное партнерство как структурный элемент демократического либерализма в сущности для России означает *возрождение и развитие* элементов демократизма в сфере взаимоотношений предпринимателей и работников, предпринимателей и общества, что имело место в дореволюционной России. В социальном партнерстве усилия предпринимателей сосредоточиваются на создании эффективных рабочих мест и расширении на этой основе массовой покупательной способности населения. По результатам такого партнерства формируется *общественная оценка предпринимателя*, формируется, как указывал М. Вебер, легитимный авторитет предпринимателей.

Одна из веберовских предпосылок капитализма и *демократического либерализма* состояла в том, что, как пишет А. Стинчкомб, «капиталисты должны были пользоваться авторитетом у свободных рабочих. ...Даже народная демократия не могла служить основанием гражданского права, авторитета соглашения и власти денег». На основе веберовской концепции легитимности авторитета предпринимателя А. Стинчкомб делает вывод, очень важный для понимания некоторых сторон менталитета рядовых граждан стран постсоциалистического пространства. Он считает, что «основной легитимирующей идеологией “предпринимательского авторитета” <...> является идея экономического прогресса». Когда чешский,

---

¹⁷ См.: Погорельский, А. Социальный либерализм: перспективы в России // Логос. – 2004. – № 6(45). – С. 57–58.

польский или русский рабочий класс «видит прогресс только у других, у представителей среднего класса, он начинает считать сомнительными праволиберальные идеи демократии и всестороннего распространения рынка». Люди в постсоветских странах «зачастую считают, что крупные капиталисты наворачивают свой капитал у государства вместо того, чтобы заниматься предприятиями и идти к прогрессу»¹⁸.

Если учесть, что слова американского автора о крупных предпринимателях в постсоветском экономическом пространстве близки к истине, то общественная оценка предпринимателя и легитимизация его авторитета как предпринимателя приобретает огромное значение как в экономическом прогрессе – в формировании социально-демократического либерализма, – так и в становлении демократического образа жизни. В настоящее время и в дальнейшем только благодаря легитимизации авторитета предпринимателя и социальному партнерству определяется мера жизненного успеха предпринимателя, в более широком измерении происходит расширение воспроизводства демократического образа жизни в социально-экономической сфере нашего общества.

Расширение демократического образа жизни на основе социального партнерства проявляется в открытости предпринимательской и политической элит, создании условий для вертикальной мобильности. Способной молодежи из разных слоев населения должен быть предоставлен шанс на хорошее образование и продвижение по социальной лестнице. Общество, в свою очередь, с помощью средств массовой информации следит, чтобы элита не была закрытой кастой, а постоянно обновлялась за счет талантливых представителей всех слоев населения. Реализация демократического либерализма как экономической и социально-политической системы является расширением демократического образа жизни народа и его соединением с политической системой общества.

Демократический либерализм, диалектически соединяя в индивидуальности, в его мироощущении, экзистенции ценности классического либерализма с ценностями демократизма, формирует новые ценности, снимающие в сознании индивида недостатки как либерализма,

---

¹⁸ Стинчкомб, А. Предпосылки мирового капитализма: обновленный Вебер // Логос. – 2004. – № 6(45). – С. 44–45.

так и демократии. Эти ценности, становясь стержнем личности, сами формируют личность и ее самосознание, образовывая либерально-демократические модели социального поведения и набор социальных требований. В основе этих моделей лежит понимание того, что гарантией индивидуальной свободы и самого существования личности должна быть свобода каждого гражданина. Естественным образом жизни каждого человека и всего общества является демократия как *состояние и как политика, то есть как образ жизни всего общества*. В таком аспекте демократический либерализм есть, скорее всего, социально-демократический либерализм.

Демократический транзит России есть не только и даже не столько демократизация политической системы и либерализация экономики, сколько демократизация образа жизни каждого и всех, создание комплекса условий во всех сферах общества для формирования и воспроизводства демократического гражданина.